

Кулагин Дмитрий Леонидович

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

В данной статье рассматривается мифологическое мировоззрение восточных славян в русских народных сказках. Подчеркивается коллективный характер русской сказки, который раскрывается в сюжетах и мифологемах. В сказочных сюжетах отражаются религиозные, бытовые и морально-нравственные воззрения древности. При помощи архетипического анализа выявляется основной характер сказочного повествования, выделяются черты, которые роднят сказку с архаическим мифом. Обосновываются значение сказки для человека прошлого, а также ценность изучения сказочного наследия для настоящего и будущего.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 91-95. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

3. **Дацышен В. Г.** Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 240 с.
4. **Маркарян С.** Истоки и корни японского национального характера // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 3. С. 155-163.
5. **Митыпова Г. С.** Православие в Юго-Восточной Азии // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 7. С. 166-171.
6. **Николай (Адоратский), иеромонах.** Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования (посвящается русским синологам) // Православный собеседник. 1887. Февраль. С. 252-265.
7. **Павел (Ивановский), иеромонах.** Современное положение христианских миссий в Корее // Известия Восточного института. Владивосток, 1904. Т. XII. С. 252-343.
8. **Черевкова А. А.** Из воспоминаний о Японии // Исторический вестник. 1893. № 6. С. 802-825.
9. **Шубина С. А.** Русская православная миссия в Китае (XVIII – начало XX в.): дисс. ... к.и.н. Ярославль, 1998. 533 с.
10. **Atlas of Global Christianity 1010-2010** / ed. Todd M. Johnson and Kenneth R. Ross. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 361 p.
11. **D'Costa G.** Christian Uniqueness Reconsidered. Maryknoll, N. Y.: Orbis Books, 1990. 248 p.
12. **Jongeneel J. A. B.** Christian Presence and Progress in North-East Asia: Historical and Comparative Studies. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2011. 242 p.
13. **Mugello D. E.** The Chinese Rites Controversy: Its History and Meaning. Nettetal: Steyler Verlag, 1994. 356 p.
14. **Takahashi M.** From Confucianism to Christianity // Kirisutokyo Kenkyu (Studies in the Christian Religion). 1968. № 4. P. 289-297.

HISTORY OF CHRISTIANITY DISSEMINATION IN THE COUNTRIES OF EAST ASIA: THE COMMON AND PARTICULAR

Kornienko Nikolay Nikolaevich
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
niknik-84@mail.ru

The article is devoted to the history of Christianity dissemination in East Asia and the identification of the peculiarities of the advancement of Christian (Catholic, Protestant, Orthodox) church structures into the countries of the region. It is proved that Christian missionary work in East Asia became a unique phenomenon, as the role of a Christianized object was performed by the ancient civilization, the main characteristic of which was orientation to continuity and tradition. All this was the main reason of the poor effectiveness of Christian missions in East Asia during the whole period of their existence.

Key words and phrases: East Asia; China; Japan; North Korea; South Korea; Christianity; missionary work; indigenization.

УДК 008

Философские науки

В данной статье рассматривается мифологическое мировоззрение восточных славян в русских народных сказках. Подчеркивается коллективный характер русской сказки, который раскрывается в сюжетах и мифологемах. В сказочных сюжетах отражаются религиозные, бытовые и морально-нравственные воззрения древности. При помощи архетипического анализа выявляется основной характер сказочного повествования, выделяются черты, которые роднят сказку с архаическим мифом. Обосновываются значение сказки для человека прошлого, а также ценность изучения сказочного наследия для настоящего и будущего.

Ключевые слова и фразы: русская народная сказка; архетип; мифологема; миф; психология архаического человека.

Кулагин Дмитрий Леонидович

Южно-Российский гуманитарный институт
vzerkalah@gmail.com

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Сказку по-настоящему можно назвать народным творчеством, которое передавалось из поколения в поколение, из уст в уста. В Древней Руси сказки официально были под запретом, они приравнивались к колдовству и гаданиям. Частью поэтому какое-то время сказки не записывались и оставались устным творчеством. Лишь с XVII века в России начало меняться отношение к сказке, появился спрос на письменную повествовательную литературу, в том числе близкую к сказке. К 40-м годам XIX в. в отечественной науке было достигнуто более глубокое и зрелое понимание сказки как цельного и самостоятельно жанра: сказка больше не отождествляется с романом, повестью, притчей и былиной. Отечественный исследователь сказок Владимир Пропп отмечает, что в то время был «понят народный характер сказки, разнообразие состава сказочного эпоса, намечен один из основных признаков ее, а именно “необычайность” предмета повествования, понят характер сказки как вымысла, не выдающего себя за действительность» [8, с. 95-96].

В русской сказке мы имеем дело, с одной стороны, с национальным колоритом, сюжетами и героями близкими русскому народу с его уникальной историей и менталитетом, с другой стороны, в русских сказках можно отыскать универсальные интернациональные сюжеты и мотивы, которые присущи сказкам других народов, в связи с чем Пропп считает, что сказка в некоторой степени является символом единства народов. В сказке мы имеем дело с реальностью архетипов и мифологем. Тут можно сравнить сказку с мифом, также содержащим в себе архетипическую основу.

В процессе исследования сказки нужно учитывать все ее особенности. Таким образом, русскую сказку можно рассматривать и как миф, и как историю народа, и как повествование, содержащее религиозно-моральные принципы своего времени. По мнению Проппа, изучение сказки требует самостоятельной дисциплины энциклопедического характера, предполагающей изучение как истории народов мира, этнографии, истории религии, так и истории форм мышления и поэтических форм. Исходя из этого, Пропп дает следующее определение сказки: «Сказка, народная сказка есть повествовательный фольклорный жанр. Он характеризуется своей формой бытования. Это рассказ, передаваемый из поколения в поколение только путем устной передачи. Этим бытование народной сказки отличается от бытования искусственной, или литературной, сказки, которая передается путем письма и чтения и не меняется» [Там же, с. 24-25].

Сказка играет ключевую роль в восточнославянской культуре; подтверждением этому, например, являются многочисленные авторские интерпретации народных сказочных сюжетов в литературе. Существует множество подходов к сказке. Например, одни специалисты видят в ней «чистый» вымысел, другие – изначальный ритуально-мифологический контекст (Е. Мелетинский), третьи – примитивные изображения природных явлений (А. Афанасьев) и т.д.

Цель данной статьи – рассмотреть мифологическое мировоззрение восточных славян, отразившееся в русских народных сказках. Так мы сможем увидеть значение русских народных сказок для восточных славян в древности, смысл, который они приобретали в сознании архаического человека. Для этого обратимся к аналитической психологии Карла Густава Юнга [7], с точки зрения которой в сказке мы имеем дело с коллективной природой, отражением коллективного бессознательного и архетипических образов. В сказочных сюжетах проявляется традиционное мировоззрение, косвенным образом проясняющее некоторые тонкости, которые где-либо еще кроме сказок отыскать трудно. Юнг говорит о том, что «...сказки, подобно сновидениям, мы можем рассматривать как продукты фантазии, понимая их в качестве спонтанных высказываний бессознательного о самом себе» [10, с. 9]. Архетипы в русских сказках – это наследуемая часть психики, в них можно увидеть отношение человека к миру, отношение индивидуального сознания и коллективного бессознательного, по словам Юнга: «В мифах и сказках, как и в сновидениях, душа повествует свою собственную историю, и взаимодействие архетипов обнаруживается в своем естественном обрамлении...» [11, с. 300].

Для любого научного исследователя славянской культуры необходимым является изучение сказочного наследия народа. Через сказки эхом доносятся бытовые, этические, мифологические и религиозные воззрения древности, не всегда до конца понятные потомкам, но оставившие свой след в народных сказках. При этом актуальность этих воззрений не утрачена и в наше время, наследие предков живет, лишь адаптируясь под новые реалии. В русских народных сказках мы сталкиваемся с таким важным архетипом как дух, выполняющим разные функции, главная из которых – раскрытие личности героя. Любая, на первый взгляд, незначительная деталь в сказке при тщательном рассмотрении становится важнейшей составляющей сказочного повествования. Сказочный сюжет – это чаще всего путь архетипического героя, первоначально незрелого (неофита) до инициированного адепта. На пути его ожидают испытания и трудности, и лишь личные качества героя принесут победу «добра» над «злом». Функцию опеки и защиты на пути героя выполняет архетипический образ старца, по-разному представленный в русских сказках, но главное то, что он приближает героя к его цели, дает мудрый совет, способствует формированию героических качеств.

Сказки можно по-разному классифицировать, как, например, сказки для детей и для взрослых, а также волшебные, кумулятивные, бытовые, о животных, докучные и т.д. Особый вид сказок представлен в сборниках Александра Афанасьева «Народные русские сказки не для печати» и «Русские заветные сказки», представляющие собой развлекательные, сатирические, анекдотические, эротические сказки, часть из которых, возможно, служила разновидностью народного учения в области семейного, полового воспитания, снятия психологических барьеров.

Один из наиболее популярных видов сказок – это волшебные сказки, в основе сюжета которых лежит проявление какого-либо волшебства, магии, чародейства, сверхъестественных сил. Мир волшебной сказки разделен на «наш» мир и сверхъестественный «иной» мир. Как отмечает Пропп: «Композиция волшебной сказки определяется наличием двух царств. Одно царство – то, с которого сказка начинается: “В некотором царстве, в некотором государстве”. Есть сказители, которые прибавляют: “...а именно в том, в котором мы живем”. Этому царству противопоставляется другое, которое находится “за тридевять земель” и которое называется “тридесятое государство”» [8, с. 205]. Герой волшебной сказки, в силу каких-то сложившихся обстоятельств, вынужден посетить «иной» мир, подобно адепту, инициатически принимающего новое знание. При этом знание, которое он получает в этом «ином» мире, делает из него героя – лично выросшего индивида, постигшего новые аспекты бытия. Личностному «нашему» миру изначального участника действия противопоставит «иной» мир коллективного бессознательного.

Если в волшебной сказке герою противостоят фантастические существа, то в сказке бытовой или новеллистической ему уже противостоят силы зла в земном обличии. И единственный мир в этой сказке – земной. По мнению Проппа, в бытовой сказке можно найти отражение жизни крестьянского сословия с его мировоззрением и классовым противостоянием с иными сословиями (баринами, помещиками). Герой бытовой сказки побеждает своих врагов личными качествами – хитростью, волей, сноровкой. В таких сказках отсутствует сверхъестественность, не нарушаются законы природы, нет волшебства для достижения своей цели. Сверхъестественное если и присутствует в таких сказках, то становится частью обычной, будничной жизни. Героя бытовой сказки можно ассоциировать с разновидностью персонификации, он противопоставляет себя внешнему «профанному» миру своих противников, по мнению Проппа, противник героя сказки лишь социально силен, но ничтожен по своему существу.

Особенный вид русских сказок – это кумулятивные сказки, отличающиеся от других видов сказок особенностью изложения и композиции. В основе композиции таких сказок – многократное повторение один и тех же действий, пока созданная таким образом цепь не обрывается или не повторяется в обратном порядке. Яркий пример такой сказки – «Репка». В сказке этого типа нет никаких особенно «интересных» событий, сюжет строится на нарастании вытекающих последствий из событий. Происхождение кумулятивных сказок Пропп связывает с ранними формами сознания, не знающего пространства как продукта абстракции, откуда происходит особенная форма мышления – нанизывание: «Пространство и в жизни, и в фантазии преодолевается не от начального звена к конечному, а через конкретные, реально данные посредствующие звенья: так ходят слепые, перебираясь от предмета к предмету. Нанизывание есть не только художественный прием, но и форма мышления, сказывающаяся не только в фольклоре, но и в явлениях языка» [Там же, с. 349]. Хотелось бы добавить, что при помощи повторения в сказках вырабатывается чувство времени и ритма, складывается ощущение истории и дискретности. Это уже отличает сказочное повторение от мифологического, строго замыкающегося в цикл. В сказках видна близость мифологическому циклу, однако в сказке цикличность разомкнута.

Еще один вид русских сказок – сказки о животных, в которых объектом и субъектом повествования являются животные. С точки зрения аналитической психологии животные могут ассоциироваться с тенью, негативной, отвергаемой стороной личности. Косвенно это отмечает и Пропп, говоря, что животные в русских сказках по своему поведению и характеру близки скорее к человеческой жизни, чем к жизни животной. В таких сказках реалистично изображаются крестьянский быт и различные человеческие проявления – алчность, жадность, глупость и др.

Основной мотив большинства сказок – это борьба добра со злом. При этом герои, выступающие на стороне добра, могут быть совершенно разными, как и те, кто им противостоит. В таких сказках многое зависит от морально-этических и религиозных представлений своего времени. По мнению Юнга: «Говоря о добре и зле, мы ведем конкретный разговор о сущности, глубочайшие качества которой нам в действительности неизвестны. Если нечто переживается нами как злое или греховное, то переживание это зависит от субъективного суждения, равно как мера и тяжесть греха» [12, с. 169].

Проводя параллели между мифом и сказкой, отечественный филолог Елиазар Мелетинский говорит о том, что сказка вышла из мифа, который в какой-то момент утратил свое сакральное значение, переведя коллективный интерес в индивидуальный: «Основные ступеньки процесса трансформации мифа в сказку: деритуализация и десакрализация, ослабление строгой веры в истинность мифических “событий”, развитие сознательное выдумки, потеря этнографической конкретности, замена мифических героев обыкновенными людьми, мифического времени – сказочно-неопределенным, ослабление или потеря этиологизма, перенесение внимания с коллективных судеб на индивидуальные и с космических на социальные, с чем связано появление ряда новых сюжетов и некоторых структурных ограничений» [6, с. 233]. Сказочный герой, в отличие от мифологического, имеет скорее личный интерес в своих действиях, а не коллективно-общественный. Мелетинский также говорит о потере «прометеевского» смысла в действиях культурного героя. Герой, если и имеет какие-то благие намерения в своих действиях, то действует во благо себя и узкого круга людей (царь, отец, семья и т.д.).

Можно выделить некоторые основные архетипические образы, которые раскрывают сущность восточнославянских сказок: Дурак, Богатырь, Иван-царевич, Царь, Василиса Прекрасная, Чёрт, Мать (Мачеха), Баба-яга, Кощей.

Особенно интересны образы Дурака и Богатыря или Ивана-царевича. Данные образы могут считаться переходными стадиями в развитии героя. Так, образ сказочного богатыря похож на образ былинного богатыря. Сказочный богатырь также обладает личной сверхъестественной силой, которую он использует для благих намерений и борется со злом (теньевыми аспектами, трикстерами). Образ Дурака также не менее интересен своей неоднозначностью. С одной стороны, Дурак может восприниматься как глупый, недалекий человек, с другой стороны, при детальном рассмотрении становится очевидно, что его глупость – это лишь маска и роль. Отечественный исследователь темы скоморохов и офеней Сергей Максимов прослеживает связь традиции русского скомороха с традицией волхвов, носителей древних жреческих знаний. По его мнению, «Шутовство и дурачество – это прежде всего искусство перевоплощения. И если скоморох может перевоплощаться в любой образ, то он может “напускать морок” и управлять другими людьми, что указывает на его связь с волшебством» [4, с. 120]. Развивая эту тему, Максимов говорит о том, что: «Дурак – это человек чужой, свободный, странный. А если учесть, что основные народные значения слова “скоморох” – веселый и дурак, то можно говорить о скоморошестве, как о своеобразном посвящении в дураки, то есть странные, иные люди, имеющие доступ не только к этому, но и к другому миру, что типично для жреческого сословия» [Там же].

Иван-царевич – это другая стадия развития героя; некоторые исследователи находят связь между этим образом и такими известными мифологическими персонажами, как Ярило или Осирис. Как отмечает отечественный литературовед Федор Капица: «Многие исследователи считают Ивана-царевича идеальным сказочным героем. Действительно, в сказке он всегда изображается молодым, красивым, деятельным и отважным героем. Однако сюжет построен так, что персонаж может добиться успеха только благодаря своим личным качествам» [2, с. 157].

Помимо образа Ивана-царевича, в русских сказках встречается образ Василисы Премудрой. По мнению американского психоаналитика юнгианской школы Клариссы Пинколы Эстес, в образе Василисы Премудрой проявляется женский архетип, в одноименной сказке мы имеем дело с историей «...об инициации женщины, в которой почти все основные кости на месте. О постижении того, что большинство вещей не такие, какими кажутся. Чтобы это различать, мы, женщины, призываем на помощь интуицию и инстинкты. Мы используем все свои чувства, чтобы выжать из вещей правду, извлечь пищу из своих собственных идей, увидеть то, что следует видеть, стать хранительницей своего творческого огня и получить сокровенное знание о циклах Жизни-Смерти-Жизни всей природы – после этого женщину можно назвать инициированной, посвященной» [9, с. 80-81]. Василиса, как и Иван, сталкивается с теневыми аспектами личности (в виде мачехи и ее дочерей) и архетипом «злого» духа (в виде Бабы-яги). По мнению Эстес, «...отрицательный теневой материал – тот, который с готовностью уничтожает или тормозит любую новую жизнь, – тоже можно использовать в своих целях, как мы увидим дальше. Когда он прорывается, мы наконец-то опознаем его истоки и качества, отчего становимся еще сильнее и мудрее» [Там же, с. 90].

Часто на пути героя сказки встают различные фантастические персонажи (Баба-яга, Кощей) и животные (Сивка-бурка, Серый волк, Царевна-лягушка). В критических ситуациях, порой представляющих угрозу для жизни, именно благодаря некоторым фантастическим персонажам герой раскрывается, становится сильнее, постигает Самость. Сказочные животные могут быть для героев как психопомп (связующим звеном между миром сознания и бессознательного), так и тенью (отвергаемые это бессознательные аспекты). Много выдает языческое происхождение ряда сказочных сюжетов и персонажей, в т.ч. из анималистических и тотемистических верований. Афанасьев говорит об обожествлении древними славянами природных стихий, в результате чего некоторые из персонажей сказок, по его мнению, являются метафорами природных стихий. Пример этому – образ Сивки-бурки: «Буйные ветры, ходячие облака, грозовые тучи, быстро мелькающая молния – все эти различные явления на поэтическом языке назывались небесными конями. <...> “Бурко зрявкает по-туриному, а шип пускает по-змеиному” – выражение, указывающее на сродство чудесного коня с зооморфическими представлениями громовой тучи быком (туром) и змеем» [1, с. 233-234].

Помимо самих фантастических существ русских сказок, ключевым также является пространство их обитания, место, куда порой отправляется сам сказочный герой (Иван-царевич, Василиса Прекрасная) либо по какому-то поручению, либо в поисках невесты. Во многих сказках таким пространством является лес, который может ассоциироваться с теменосом – сакральным, оберегаемым местом. С точки зрения юнгианской психологии путешествия в такие пространства означают погружение в бессознательное, лес в данном случае может ассоциироваться с закрытым алхимическим сосудом. При этом лишь подготовленный адепт (в нашем случае им является герой сказки) имеет право открыть сосуд. По мнению Юнга: «Лесная чаща, место темное и непроницаемое, – вместилище всего неведомого и таинственного, подобно водным глубинам и морской пучине. Лес – удачный синоним бессознательного» [10, с. 9]. Обитатели леса (Леший, Кашей, Баба-яга) оберегают его от посягательств извне, поэтому сказочному герою необходимы личные качества или помощники, при помощи которых можно бы было проникнуть в лес и справиться с его обитателями. Известный отечественный фольклорист и исследователь славянских мифов Неонила Криничная замечает, что лес «...оставался природной стихией, хаосом, где единственным организующим началом был его дух-“хозяин” и другие “отпочковавшиеся” от него божества» [3, с. 248].

Рассматривая русские народные сказки, мы становимся ближе к психологии архаического человека, из глубин веков доносящего до нас удивительный мифологический мир сказок. Русские народные сказки являются плодом коллективного творчества целого народа со своими собственными представлениями о морали, нравственности, героизме, жизни и смерти. В русских народных сказках заложена универсальная мудрость, близкая каждому из нас. Эта универсальная мудрость воспроизводится в новых жизненных обстоятельствах, в конкретной и повседневной жизни.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Мифы древних славян. М.: РИПОЛ классик, 2013. 288 с.
2. Капица Ф. С. Тайны славянских богов. М.: РИПОЛ классик, 2007. 417 с.
3. Криничная Н. А. Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.
4. Максимов С. Г. Волхвы, скomorохи, офени. М.: Вече, 2011. 320 с.
5. Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. 570 с.
6. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Академический проект; Мир, 2012. 336 с.
7. Мирская Л. А. Карл Густав Юнг. Ростов-на-Дону: МарТ, 2006. 55 с.
8. Проп В. Я. Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
9. Эстес К. П. Бегущая с волками. М.: София, 2011. 448 с.
10. Юнг К. Г. Дух Меркурий. М.: Канон, 1996. 382 с.
11. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.
12. Юнг К. Г. Избранные работы. СПб.: Издательство РХГА, 2014. 288 с.

MYTHOLOGICAL ARCHETYPES IN RUSSIAN FOLK TALES

Kulagin Dmitrii Leonidovich
South Russian Institute for the Humanities
vzerkalah@gmail.com

The article examines the Eastern Slavs' mythological worldview in Russian folk tales. The author emphasizes the collective nature of the Russian tale, which is revealed in plots and mythologemes. Fabulous plots represent the religious, everyday and moral and ethical views of antiquity. By an archetypal analysis the paper identifies the basic nature of fabulous narration, distinguishes the features that make a tale similar to an archaic myth. The researcher justifies the meaning of the tale for the human of the past and the value of studying fabulous heritage for the present and future.

Key words and phrases: Russian folk tale; archetype; mythologeme; myth; archaic human's psychology.

УДК 94

Исторические науки и археология

В данной статье анализируется процесс эволюции медико-административной системы контроля над проституцией в Санкт-Петербурге с середины XIX до начала 30-х гг. XX в. Подробно и планомерно освещается весь период от регламентации проституции и деятельности Врачебно-Полицейского Комитета до запрета и создания венерологических диспансеров. Представлен обзор основных направлений деятельности данных органов, а также дается оценка общественного мнения и реакции общественности на процесс существования проституции. Помимо этого, автор уделяет внимание изменению политико-социального настроения по отношению к проституции в целом.

Ключевые слова и фразы: Врачебно-Полицейский Комитет; борьба с проституцией; проститутки; надзор; венерологические диспансеры; контроль; полиция.

Лобова Елена Андреевна

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
elena.maksimovitch@yandex.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ МЕДИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ
НАД ПРОСТИТУЦИЕЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО 30-Х ГГ. XX В.)**

Российское государство с середины XIX до начала 30-х гг. XX в. постоянно сталкивалось с различными социальными вызовами [11; 21]. К ним следует отнести не только выступления низов общества, но и опасные массовые заболевания, нередко приобретающие характер катастрофических эпидемий, – чуму, холеру, сифилис. Эти болезни на протяжении веков наносили огромный урон населению страны. Российское государство начало проявлять серьезную озабоченность недостаточным уровнем медицинского обеспечения и здоровья населения еще в XVIII в., но лишь в середине XIX столетия были предприняты решительные меры по обеспечению административного надзора над проституцией. Они выразились в создании в Санкт-Петербурге первого Врачебно-Полицейского Комитета (1843 г.) при медицинском департаменте Министерства внутренних дел, а уже к 1856 г. подобные комитеты были открыты во многих крупных городах Российской империи.

В губернских городах в состав Комитета входили: председатель (вице-губернатор или градоначальник), инспектор местного врачебного отделения, старший врач полиции или городской врач, врачи – уездный или военный, – заведующий больницей или отделением для сифилитиков, депутат от военного или морского ведомства и член-распорядитель.

В уездных городах председателем Комитета являлся начальник местной полиции, членами – врачи (уездный, городской или военный), депутат от военного или морского ведомства и член-распорядитель – один из штатных чиновников полиции.

В Санкт-Петербурге действовали особые положения о врачебно-полицейском надзоре, которыми определялся состав Комитета: председатель – лицо, назначаемое министром внутренних дел, а членами были: представитель городского общественного управления; председатели городских санитарной и больничной комиссии; инспектор столичного врачебного управления; старший врач полиции; главный врач Калининской больницы и др. [6, с. 15].

В 1843 г. под надзором Санкт-Петербургского Врачебно-Полицейского Комитета находилось до 400 проституток, а уже в 1852 г. их было 1075 чел., из которых в домах терпимости – 884, одиночек – 191 [12, с. 21].

Обязанности Комитета заключались в следующих мероприятиях: обнаружение тайных притонов и женщин, в них обитающих, для подчинения их врачебно-полицейскому надзору; контроль над деятельностью публичных домов и здоровьем женщин, в них промысляющих; проведение регулярных медицинских освидетельствований и доставлении оказавшихся больными на лечение.